

ДЖЕЙМС
ОЛИВЕР
КЕРВУД

БРОДЯГИ
СЕВЕРА

И з д а т е л ь с к и й Д о м М е щ е р я к о в а

Книги Джеймса Кервуда

Джеймс Кервуд
Бродяги Севера

«ИД Мещерякова»

1919

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)

Кервуд Д. О.

Бродяги Севера / Д. О. Кервуд — «ИД Мещерякова»,
1919 — (Книги Джеймса Кервуда)

ISBN 978-5-00108-199-9

Солнечным мартовским днём медвежонок Неева выбирается из берлоги и впервые видит мир, в котором ему предстоит жить. Красота, ароматы и странные создания этого мира ошеломляют его. Под присмотром заботливой матери Нузак медвежонок бросается в водоворот новой и такой прекрасной жизни. Но однажды Нузак чует запах самого опасного существа на земле, встреча с которым станет для неё и Неевы роковой. Американский писатель и защитник природы Джеймс Оливер Кервуд родился в 1878 году и прожил всего 49 лет: во время рыбалки его укусил паук, что привело к заражению крови. За свою короткую жизнь Кервуд написал более 30 романов и оставил по себе долгую и добрую память: в штате Мичиган есть гора его имени и музей, где проходит фестиваль в честь писателя. Впервые роман выходит с рисунками художника, графика и иллюстратора Карины Соловьёвой.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)

ISBN 978-5-00108-199-9

© Кервуд Д. О., 1919
© ИД Мещерякова, 1919

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	23
Глава V	25
Глава VI	29
Глава VII	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джеймс Оливер Кервуд Бродяги Севера

Серия «Книги Джеймса Кервуда»

© К. Р. Соловьёва, иллюстрации, 2018

© И. Г. Гурова, наследники, перевод, 2018

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2018

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

Глава I

Неёва, маленький чёрный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта – на исходе Орлиного месяца. Нузак, его мать, была уже пожилой медведицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму – в зиму рождения маленького Неевы – она проспала не обычные три месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почувал и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.

Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джэксона до реки Шаматтава и с юга на север от озера Готе до реки Чёрчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где ещё белели остатки высоких сугробов, наметённых зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватал глаз, простирались синевато-чёрные полосы леса, мерцали озёра, ещё не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли. Нузак, чёрная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду. Внизу, в долине, уже

буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из тёмной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к тёплому блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а главное – победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его ошеломлённое тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Ещё минуту назад он был окутан темнотой – и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасённых для него матерью-природой. Он ещё ничего не знал, но в нём заговорил врождённый инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владение её плодами. Он сморщил бурый носишко, втянул ноздрями воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался – его настороженные ушки ловили музыку пробуждающейся земли. Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствовавшая о том, что покой этого мирного края ещё не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей воды, и Неева различал множество ещё не знакомых звуков, которые могли издавать только живые существа: чириканье воробьёв, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых ёлок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клёкот, от которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это – опасность. Нузак подняла голову и увидела тёмный силуэт: Уписк, огромный орёл, парил между землёй и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все её кости ныли, всё-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Её мысли уносились далеко за пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были её домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы, – еле слышный рёв большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, вместе с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую тёплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчаньем позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было ещё теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрепав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулся от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущённо крикнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару. Неева всё это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинувшись инстинкту, готов был пуститься наутёк по первому её сигналу. И теперь в его круглой смешной головёнке быстро зрел вывод, что его мать – самое удивительное существо на свете. И уж бесспорно, самое большое, то есть самое большое из всего, что живёт и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фыркание, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский лось, вдвое выше, чем Нузак,

кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носишко и рывкнул, как он рывкал на уши и патлатую шерсть Нузак в тёмной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную вещь: ему можно было рывкать на всё, на что ему захотелось бы рывкнуть, пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, всё равно убегали от неё.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нём крепла уверенность, что его мать – единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест.

Нузак была заботливой старой матерью – за свою жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти всё время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чащу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой. Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что её бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком.

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной. Его грозные челюсти были иссиня-чёрными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жёсткие крылья блестели на солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось. Жук был от него в двух шагах и... двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел! Рогач двигался вперёд, перебирая шестью ногами, и прищёлкивал – это прищёлкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке разыгралась воинственная кровь Суминитика, его отца, и он осторожно протянул вперёд лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемить палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец. Неева поспешно отдернул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и... опять пошёл вперёд.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зрения жука не превышает четырёх дюймов, а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца, как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и прижал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щёлкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос её отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не мог пошевелиться, Нузак захватила жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. А тогда она его проглотила.

До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе её большой тёплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него всё ещё побаливал, но медвежонка

счастливее его не нашлось бы на всём свете: после своего первого дня в лесу он чувствовал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидел очень много нового и если не сумел победить жука, то всё равно показал себя с самой лучшей стороны.

Глава II

В эту ночь Неева перенёс жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твёрдой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподала Нееве курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжкой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалёком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массировала носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далёкое, а теперь впервые он увидел, как оно встаёт над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и, пока Неева смотрел, оно быстро поднималось из-за края земли, так что вскоре его срезанный низ закруглился, и оно превратилось в огромный непонятный шар. Сначала медвежонок подумал, что это какое-то живое существо, какое-то чудовище, которое подбирается к ним по вершинам деревьев, и с негромким визгом вопросительно покосился на мать. Однако Нузак ничуть не испугалась таинственного шара. Её большая голова была повёрнута к нему, и она довольно шурилась. В эту минуту и Неева ощутил приятное тепло, исходившее от алого шара, и, несмотря на пережитый испуг, блаженно заурчал. Вскоре солнце из алого снова стало золотым, и вся долина вновь наполнилась радостным биением жизни.

Ещё две недели после этого первого солнечного восхода, который довелось увидеть Нееве, Нузак оставалась возле гряды каменистых холмов и целыми днями бродила вокруг болотца. Затем, когда Нееве исполнилось одиннадцать недель, она обратила нос в сторону далёких чёрных лесов и отправилась в летние странствия. Подошвы Неевы загрубели, и он весил уже добрых шесть фунтов – неплохая прибавка, если вспомнить, что в первый день его жизни его вес был меньше одного фунта.

Именно с того дня, как Нузак отправилась в свой поход, и начались настоящие приключения Неевы. В глухих таинственных чащах ещё попадались сугробы, даже не начинавшие таять, и первые два дня Неева всё время хныкал, тоскуя по солнечной долине. Они прошли мимо водопада, и Неева впервые узнал, с какой бешеной силой может мчаться вода. Всё темнее, мрачнее и глуше становился лес, по которому шла Нузак. В этом лесу Неева получил первые охотничьи уроки. Нузак уже далеко углубилась в низины между хребтом Джексона и водоразделом, с которого берут начало притоки Шаматтавы. Ранней весной эти места превращаются в настоящий медвежий рай.

Когда Нузак не спала, она без устали разыскивала пищу – то копалась в земле, то переворачивала камни, то разламывала на мелкие кусочки гнилые стволы и пни. Любимым её лакомством были, несмотря на их малую величину, крохотные серые лесные мыши, и Неева только дивился, видя, какими стремительными становились движения его старой, неуклюжей матери, когда ей попадался на глаза живой серый комочек. Иногда Нузак удавалось позавтракать целым выводком, прежде чем мыши успевали разбежаться. Кроме того, она поела ещё по-зимнему сонных лягушек и жаб, муравьёв, которые валялись в древесной трухе скрюченные и неподвижные, а иногда и шмелей, шершней и ос. Неева, конечно, тоже перепробовал все эти медвежьи блюда. На третий день Нузак откопала большой смёрзшийся ком зимующих укусуных муравьёв. Ком этот был величиной в два кулака взрослого мужчины, и Неева вдоволь полакомился кислотовато-сладкими муравьями, которые показались ему удивительно вкусными.

По мере того как дни становились всё теплее, съедобные существа, прятавшиеся под камнями и валежником, оживали и уже сами выбирались на свет. Теперь Неева познал волну-

ющую радость самостоятельной охоты. Он встретился ещё с одним жуком и убил его. Он поймал свою первую лесную мышь. В нём стремительно развивались черты характера, унаследованные от Суминитика, его старого забияки-отца, который жил через три долины к северу от них и никогда не упускал случая затеять драку. Когда Нееве исполнилось четыре месяца – это произошло в конце мая, – он спокойно ел пищу, которую ни за что не смогли бы переварить желудки большинства медвежат его возраста, и от кончика его нахального носишки до кончика короткого хвоста в нём не нашлось бы ни капли трусости. Он весил в это время девять фунтов и был чёрен как трубочист.

Однако в первую неделю июня произошло роковое событие, которое положило начало великой перемене в судьбе Неевы, и случилось оно в такой тёплый и ласковый солнечный день, что Нузак сразу же после обеда улеглась вздремнуть. К этому времени они уже выбрались из густых лесов и бродили по долине, в которой между длинных белых песчаных кос петляла по камушкам мелкая речушка. Нееве не спалось. У него не было никакого желания дремать в такой чудесный день. Он глядел на окружающий удивительный мир круглыми любопытными глазёнками и слышал его неумолчный манящий зов. Он посмотрел на мать и взвизгнул. Ему по опыту было известно, что Нузак будет лежать так много часов, если только он не куснёт её за пятку или за ухо. Но и тогда она только заворчит на него и снова погрузится в сон. Это ему надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и со внезапной решимостью он в поисках приключений затрусил прочь от спящей Нузак.

В этом огромном золотисто-зелёном мире Неева был маленьким чёрным шариком, почти одинаковым в длину и в ширину. Он спустился к речке и поглядел через плечо. Отсюда он ещё видел Нузак. Потом его лапы погрузились в мягкий белый песок широкого пляжа, и он забыл про мать.

Дойдя до конца пляжа, медвежонок вскарабкался по зелёному откосу – молодая травка нежила его подошвы, как бархат. Тут он принялся переворачивать небольшие камни в поисках муравьёв. Потом он испугнул земляную белку и двадцать секунд гнался за ней, почти не отставая. Несколько минут спустя прямо перед его носом вспрыгнул большой кролик, и он помчался за ним, но Вапуз в десять длинных прыжков добрался до зарослей и скрылся в них. Неева сморщил нос и визгливо зарычал. Никогда ещё кровь Суминитика не бушевала в нём с такой силой. Ему не терпелось вцепиться во что-нибудь. Впервые в жизни ему хотелось подраться – всё равно, с кем. Он был похож на мальчишку, который получил в подарок на Новый год боксёрские перчатки и не может найти себе противника. Неева присел на задние лапы и воинственно посмотрел по сторонам, всё ещё морща нос и вызывая рыча. Он победил весь свет. Это он знал хорошо. Всё живое в мире боялось его матери. Всё живое в мире боялось его самого. И вот результат – юному храбрецу не с кем помериться силами. Было от чего прийти в бешенство! Мир оказался довольно пресной и скучноватой штукой.

Неева повернул в другую сторону, вышел к большому камню и вдруг застыл на месте.

Из-за дальнего конца камня торчала большая задняя лапа. Несколько секунд Неева созерцал эту могучую лапу, полный приятного предвкушения. Сейчас он так цапнет мать, что она уже больше не уснёт до самой ночи! Он заставит её окунуться в радость этого прекрасного дня или он будет не он! И Неева крадучись подобрался к лапе, выбрал удобную подушечку, не прикрытую шерстью, и погрузил в неё свои зубки до самых дёсен.

Раздался рёв, от которого содрогнулась земля. Следует упомянуть, что укушенная лапа принадлежала вовсе не Нузак, а была собственностью Макуза, старого свирепого медведя, всегда отличавшегося на редкость скверным характером. С возрастом он стал особенно зол и в отличие от Нузак утратил всякое добродушие и мягкость. Макуз вскочил на ноги, прежде чем Неева успел сообразить, какую он совершил ошибку. Старый медведь был не только угрюм и злобен – он к тому же особенно ненавидел медвежат. На своём веку он, случалось, и закусывал ими. Короче говоря, Макуз был «учаном» – так индейцы-охотники называют медведей-канни-

балов, которые едят своих сородичей, и едва взгляд его налитых кровью глазок упал на Нееву, как он испустил новый рёв.

Тут Неева напряг свои толстые лапки и во весь дух пустился наутёк. Никогда ещё он не бегал так быстро. Инстинкт подсказывал ему, что наконец-то он встретил существо, которое его не боится, и что ему грозит смертельная опасность. Неева бежал, не выбирая направления, потому что ошибка, которую он допустил, совсем его ошеломила, и он совершенно не представлял, где находится его мать. Позади него раздавался топот Макуза, и он испустил отчаянный вопль, исполненный ужаса и мольбы о помощи. Нузак, любящая, мужественная мать, услышала этот вопль. Она вскочила на ноги – и как раз вовремя. Из-за камня, около которого она спала, выскочил Неева, точно чёрное пушечное ядро, а в десяти шагах за ним бежал, настигая его, Макуз. Уголком глаза Неева заметил мать, но с разгона проскочил мимо. И тут Нузак бросилась на Макуза. Как регбист, прорывающийся с мячом, она всем весом своего тела ударила старого разбойника в рёбра, и два медведя покатались по земле в схватке, которая Нееве показалась чрезвычайно увлекательным и чудесным зрелищем.

Он остановился и начал наблюдать поединок своей матери с Макузом. Его выпуклые, как две луковички, глаза весело блестели. Всё утро он жаждал подраться, но то, что он увидел теперь, ввергло его в настоящий столбняк. Два медведя сцепились в смертельном объятии: они ревели, драли друг друга когтями и зубами, расшвыривая камешки и землю. Сначала преимущество было на стороне Нузак: её первый натиск оглушил Макуза, и теперь она стёртыми, сломанными зубами сжимала его горло, а мощными когтями задних лап рвала его шкуру, так что по бокам старого злодея ручьями стекала кровь, и он ревел, как задыхающийся бык. Неева понял, что его преследователю приходится туго, и, возбуждённым визгом подбодряя мать в надежде, что она задаст старому Макузу хорошую трёпку, он подбежал к месту схватки, сморщил нос, с яростным рычанием оскалил зубы и принялся возбуждённо приплясывать в пяти шагах от дерущихся – дух Суминитика гнал его в бой, но одновременно ему было страшно.

Затем в положении бойцов неожиданно произошла перемена, и Неева в растерянности понял, что начал торжествовать слишком рано. Макуз, как самец, естественно, был более опытен в драках: внезапно он вырвал горло из челюстей Нузак, подмял её под себя и в свою очередь принялся раздирать её бока с таким бешенством, что бедная старая медведица жалобно застонала, и сердце Неевы оледенело от ужаса.

Что испытывает маленький мальчик, видя, как его отец терпит поражение? Конечно, он бросится ему на выручку и пустит в ход первую попавшуюся под руку палку. Всякий ребёнок считает, что его родители – самые лучшие, самые умные, самые сильные люди на свете. А в Нееве было много общего с человеческими детёнышами. Чем громче вопила его мать, тем острее он ощущал, что происходит неслыханная катастрофа. А если старость и лишила Нузак былой силы, мощь её голоса осталась прежней, так что её рёв разносился, наверное, на целую милю. Неева не выдержал – ослепнув от ярости, он кинулся вперёд. Совершенно случайно его крепкие маленькие челюсти сомкнулись на пальце именно Макуза, а не Нузак, но палец этот они пронзили, как два ряда острых булавок. Макуз дёрнул лапой, но Неева только крепче сжал челюсти. Тогда Макуз подогнул укушенную лапу и брыкнул ею так резко, что Неева, несмотря на всю свою решимость не размыкать зубов, взлетел в воздух, точно камень, пущенный из пращи. Описав крутую дугу, он стукнулся о валун шагах в десяти от дерущихся и был настолько оглушён, что несколько секунд никак не мог подняться на ноги. Наконец в глазах у него прояснилось, он поглядел на мать и на Макуза, и его сердце снова отчаянно забилося.

Макуз уже не дрался – он улепётывал с поляны во все лопатки, заметно припадая на заднюю лапу.

Бедная старая Нузак стояла пошатываясь и глядела вслед убегающему врагу. Она задыхалась, как загнанная лошадь. Её пасть была широко открыта, язык высунут. С её боков на землю стекали струйки крови. Макуз умело измывал её и искалечил. С первого взгляда можно

было увидеть, что она потерпела решительное поражение. Но великолепное зрелище обращённого в бегство врага заслонило от Неевы всё остальное. Макуз позорно покинул поле боя! Следовательно, побеждён был именно он. И, ликуяще повизгивая, Неева кинулся к матери.

Глава III

Они стояли, облитые жарким солнцем июньского дня, и смотрели, как Макуз торопливо взбирается на откос по ту сторону речки. В эту минуту Неева чувствовал себя старым закалённым бойцом, а вовсе не пузатым медвежонком с круглой мордочкой, которому едва исполнилось четыре месяца и который весит не четыреста фунтов, а всего девять.

Однако после того как Неева сжал свирепыми зубками нежный палец Макуза, прошло ещё немало времени, прежде чем Нузак настолько отдышалась, что смогла издать глухое ворчание. Её бока раздувались, как кузнечные мехи, и, когда Макуз исчез в зарослях на другом берегу речки, Неева присел на толстые задние лапы, насторожил смешные круглые ушки и обеспокоенно уставился на мать круглыми блестящими глазами. Нузак с хриплым стоном повернулась и медленно побрела к большому валуну, возле которого она спала, когда её разбудили панические вопли Неевы. Ей казалось, что все её старые кости перебиты или вывихнуты. Она брела, хромая, припадая к земле и постанывая, а позади неё по зелёной траве тянулись цепочки кровавых пятен. Макуз отделал её самым беспощадным образом.

Нузак со стоном легла и поглядела на Нееву, словно говоря: «Если бы не твои проказы, старый разбойник не взбесился бы и ничего этого не произошло бы! А теперь только погляди, что случилось со мной!»

Молодой медведь быстро оправился бы после подобной драки, но Нузак пролежала без движения весь вечер и всю ночь. А такой красивой ночи Неева ещё не видел. Теперь, когда ночи стали тёплыми, он полюбил луну ещё больше, чем любил солнце, потому что по своей природе, по всем своим инстинктам был более ночным бродягой, чем дневным охотником. Луна встала на востоке в золотистом ореоле. Купы елей и сосен казались тёмными островками в море серебряного света, а речка, петляя по озарённой лунной долине, блестела и прыгала по камням, словно живое существо. Но Неева хорошо запомнил преподанный ему урок, и, как ни манили его луна и звёзды, он только теснее прижимался к матери, слушал доносившийся до него прихотливый хор ночных голосов и не двигался с места.

Когда забрезжил рассвет, Нузак встала, тихим ворчанием приказала Нееве следовать за собой и начала медленно подниматься по склону к озарённому солнцем гребню. Ей вовсе не хотелось двигаться, но где-то в глубине её сердца прятался страх, что злобный, старый Макуз вернётся – она понимала, что теперь он легко с ней справится, а потом позавтракает Неевой. Вот почему она принудила себя перебраться через гребень, пересечь ещё одну долину и сквозь узкую, похожую на дверь расселину выбраться в просторы холмистой равнины, где среди еловых и кедровых лесов на лугах блестели озёра. Всю прошлую неделю Нузак неторопливо направлялась к одной из речек на этой равнине, а теперь, подгоняемая маячившей сзади грозной тенью Макуза, она трусила без отдыха, и короткие толстые лапки Неевы подгибались от усталости.

До речки они добрались далеко за полдень, и Неева был так измучен, что еле взобрался на ёлку, на которую мать послала его вздремнуть. Отыскав удобный развилок, он крепко уснул, а Нузак спустилась к воде, чтобы заняться рыбной ловлей.

Речка кишела чукучанами¹, которые после метания икры не сумели выбраться через отмели, и час спустя Нузак уже устала рыбами весь берег. Когда с наступлением сумерек Неева покинул свою воздушную колыбель, его ждал роскошный ужин, а сама Нузак успела наесться так, что стала похожа на бочку. Неева впервые в жизни попробовал рыбу. И после этого он целую неделю наслаждался этим изысканным лакомством. Он ел рыбу утром, днём и

¹ Чукучан – североамериканская пресноводная рыба, родственная нашему карпу. Для метания икры чукучаны уходят в мелкие речки и ручьи.

вечером, а когда был уже не в силах проглотить ни кусочка, то валялся на рыбах, как на матрасе. И Нузак тоже обжиралась рыбой – казалось, шкура на ней вот-вот лопнет. Куда бы они ни шли, они несли с собой рыбный запах, который день ото дня становился всё более резким, и потому всё больше нравился Нееве и его матери. Неева опять начал походить на перезрелый стручок. За эту неделю рыбных пиршеств он прибавил три фунта. Сосать материнское молоко ему уже больше не приходилось, потому что Нузак была слишком стара и молоко у неё совсем иссякло.

Под вечер восьмого дня Неева и его мать улеглись на краю травянистой лужайки, чтобы хорошенько поспать после дневного обжорства. Во всех здешних местах не сыскать было медведицы счастливей старой Нузак. Теперь ей уже не приходилось с утра до ночи отыскивать пищу – бочаги речки хранили неисчерпаемые запасы вкуснейшей еды, и никакой другой медведь не посягал на её владения. Она полагала, что может рассчитывать на безмятежное существование в своих богатых охотничьих угодьях, пока речка не вздуется от летних гроз, а к тому времени должны были поспеть ягоды. И Неева, счастливый маленький гурман, сладко дремал рядом с ней.

Но в этот самый день, освещённый лучами того же самого заката, милях в пяти-шести ниже по речке какой-то человек, стоя на четвереньках, рассматривал полосу влажного песка. Его закатанные к самым плечам рукава открывали тёмные от загара руки. Шляпы на нём не было, и вечерний ветерок взлохмачивал густую гриву белокурых волос, которые вот уже девять месяцев подравнивались только с помощью охотничьего ножа.

С одного бока этого человека стояло жестяное ведро, а с другого, глядя на человека с неутолимым любопытством, сидел такой некрасивый и такой симпатичный щенок, какой только мог родиться от отца – гончей маккензи – и матери, в жилах которой текла кровь эрдель-терьера и шпица.

Результат подобного смешения мог быть лишь просто дворнягой. Его вытянутый на песке хвост был очень длинным, с узлом на каждом суставе; лапы, крупные, точно ступни долгового подростка, походили на миниатюрные боксёрские перчатки; голова у него была в три раза больше, чем полагалось бы по такому туловищу, а к тому же на помощь природе в её творческих усилиях пришёл несчастный случай, лишивший этот шедевр половины уха. Уцелевшая половина в эту минуту стояла торчком, а другое, целое, ухо загибалось вперёд, выражая неистовый интерес к тому, чем занимался хозяин. Голову, лапы и хвост щенок унаследовал от отца маккензи, но его уши и худое поджарое тело возникли в результате битвы, разыгравшейся между кровью шпица и кровью эрдельтерьера. Добавьте ко всему этому детскую неуклюжесть, и вы получите такого щенка-дворняжку, какого нелегко отыскать даже в трущобах большого города.

Впервые за несколько минут хозяин нарушил молчание, и Мики завилял всем телом, от кончика хвоста до кончика носа, в восторге от того, что эти слова были обращены непосредственно к нему.

– Это медведица с медвежонком, Мики, можешь не сомневаться, – сказал хозяин. – И если я хоть как-то разбираюсь в медвежьих повадках, они провели тут добрую часть дня.

Он поднялся на ноги, поглядел на сгущающийся сумрак у лесной опушки и набрал в ведро воды. Последние лучи солнца на несколько секунд озарили его лицо – волевое и весёлое. Сразу было видно, что в этом человеке ключом бьёт радость жизни. А теперь к тому же ему в голову пришла счастливая мысль, и в его глазах сверкали не только отблески заката, когда он добавил:

– Мики, я везу тебя, нескладёныша, к моей девчужке, потому что ты – неотполированный алмаз добродушия и красоты, и за это она непременно тебя полюбит. Уж это-то я знаю твёрдо, недаром она – моя сестра. Так вот если вместе с тобой я прихвачу ещё и медвежонка...

Насвистывая, он понёс ведро к еловой поросли шагах в сорока от них. Мики следовал за ним по пятам.

Чэллонер, недавно назначенный на одну из факторий Компании Гудзонова залива, устроил свой лагерь на берегу озера, неподалёку от устья речки. Это был самый простенький лагерь – заплатанная палатка, выдавший виды челнок и кучка пожитков. Но взгляду опытного лесовика стоянка Чэллонера, озарённая последними отблесками заката, сказала бы очень много. Он увидел бы снаряжение мужественного человека, который побывал на самом краю света и теперь возвращался с тем, что ещё уцелело. Чэллонер испытывал почти дружескую теплоту к этим остаткам вещей, которые почти год помогали ему бороться с трудностями и лишениями. Челнок покособился, был в нескольких местах пробит и хранил следы многочисленных починок; бури и дым костров так вычернили палатку, что цветом она больше всего напоминала древесный уголь, а сумки для провизии были почти пусты.

Над костром, к которому он вернулся с Мики, что-то ворчал и бурлило в котелке и на сковородке, а рядом с костром, в помятой и кое-как выправленной железной духовке, уже покрылся аппетитной коричневой корочкой пресный хлебец из муки, замешенной на воде. В котелке бурлил кофе, а на сковороде жарилась рыба.

Мики присел на костлявые задние лапы, упиваясь благоуханием рыбы. Он уже давно открыл, что предвкушение еды приносит почти столько же удовольствия, как и сама еда. Щенок внимательно следил за Чэллонером, завершавшим последние приготовления к ужину, и его глаза блестели, как два рубина. Каждые две-три секунды он облизывался и слглатывал голодную слюну. Мики потому и получил свою кличку, что постоянно был голоден и как будто ничуть не насыщался, каким бы обильным обедом его ни угощали. Казалось, живот его всегда был пуст, как барабан, а «мики» на языке индейцев кри и значит «барабан».

Когда они съели рыбу и хлебец, Чэллонер закурил трубку и только после этого заговорил о своих намерениях.

– Завтра я выслежу эту медведицу, – сказал он.

Мики, который свернулся в клубок возле угасающих углей, сильно ударил хвостом по земле, показывая, что он внимательно слушает.

– Я думаю подарить девчужке не только тебя, а ещё и медвежонка. Вот она обрадуется!

Мики снова забил хвостом, словно говоря: «Ну и отлично!»

– Нет, ты только подумай! – продолжал Чэллонер, глядя через голову Мики на родной дом, от которого его отделяла добрая тысяча миль. – Прошло уже четырнадцать месяцев, и мы наконец возвращаемся к себе домой. Я и тебя, и медвежонка обучу всему, что положено, чтобы вы не осрамились перед моей сестричкой. Тебе это придётся по вкусу, верно? Ты её не знаешь, а то бы ты сейчас не сидел, уставясь на меня, точно деревянная игрушка! И где тебе, глупышу, вообразить, какая она красавица! Вот ты видел сегодняшний закат? Так она ещё красивее, и я говорю это не потому, что она мне сестра. Хочешь что-нибудь добавить, Мики? Нет? Ну, так позвольте пожелать вам спокойной ночи. Пора и на боковую.

Чэллонер встал и потянулся так, что у него затрещали кости. Его переполняла радость бытия.

Мики перестал стучать хвостом, тоже поднялся на свои неуклюжие лапы и последовал за хозяином в палатку.

Ранний летний серый рассвет только-только занимался, когда Чэллонер вылез из палатки и раздул костёр. Мики выбрался наружу через несколько минут после хозяина, и тот обвязал его шею истёртой верёвкой, а другой конец верёвки обмотал вокруг молодого деревца и туго затянул узел. Другую такую же верёвку Чэллонер привязал к углам продовольственной сумки, чтобы её можно было надеть на плечи, как рюкзак. Едва небо порозовело, он уже отправился выслеживать Нузак и Нееву. Мики, обнаружив, что его оставили одного в лагере, отчаянно заскулил, и когда Чэллонер оглянулся, он увидел, что щенок рвётся с привязи так отчаянно,

что то и дело кувyrкается через голову. Только отойдя на целую четверть мили, Чэллонер наконец перестал слышать протестующие вопли Мики.

Чэллонер отправился на эту охоту не только ради удовольствия и не только потому, что ему захотелось, кроме Мики, обзавестись ещё и медвежонком. Запас мяса у него кончился, а медвежати́на в эту пору года бывает очень вкусной. А главное, ему совершенно необходимо было пополнить запас жира. Если удастся подстрелить эту медведицу, думал он, то до конца пути можно будет не тратить времени на охоту, а это сэкономит ему несколько дней.

Только в восемь часов Чэллонер наконец обнаружил несомненно свежие следы Нузак и Неевы. У этого мыска Нузак ловила рыбу дней пять-шесть назад, и накануне они вернулись сюда, чтобы полакомиться «дозревшей» добычей. Чэллонер обрадовался. Он не сомневался, что найдёт медведицу где-нибудь чуть выше по речке. Ветер дул ему навстречу, и он начал осторожно пробираться вперёд, держа ружьё наготове. Он шёл неторопливым ровным шагом около часа, внимательно прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из зарослей перед ним, и стараясь не упустить в них ни одного подозрительного движения. Время от времени он облизывал палец и поднимал его вверх, проверяя, не переменял ли ветер направления. В сущности, эта охота не требовала особой хитрости. Всё и так складывалось в пользу Чэллонера.

Там, где долина расширялась и речка разбивалась на десяток узких рукавов, по песчаным и галечным отмелям лениво бродили Неева и его мать, намереваясь наловить себе на завтрак раков. Мир ещё никогда не казался Нееве таким прекрасным. От солнечного тепла мягкая шерсть на его спине распушилась, как у мурлыкающей кошки. Ему очень нравилось чавканье мокрого песка под его подошвами и напевное щекотное журчание струй вокруг его лап. Ему очень нравился сложный хор звуков вокруг – шелест ветра, вздохи, доносившиеся с вершин елей и кедров, лепет речки, чириканье воробьёв, переключка певчих птиц и больше всего – негромкое ворчание матери.

И на этих залитых солнцем отмелях Нузак внезапно почувяла приближение опасности. Весть о ней принёс переменявший направление ветер – старая медведица уловила запах человека!

Нузак тотчас застыла как каменное изваяние. Глубокий рубец на её плече был памяткой о ране, которую она получила много лет назад, почти сразу же после того, как почувяла этот запах – запах единственного врага, которого она боялась. Вот уже три года её ноздри не улавливали его присутствия, и она почти забыла о существовании этого врага. И теперь его запах, неожиданно принесённый ветром, совсем её парализовал – он был таким сильным и страшным!

Тут и Неева словно почувствовал близость смертельной опасности. Он застыл чёрным шариком на белом песке в двухстах шагах от Чэллонера, не сводя глаз с матери, – его чуткий нос напряжённо пытался опознать угрозу, которой был пронизан воздух.

Затем раздался звук, какого он ещё никогда не слышал, – оглушительный, отрывистый треск, чем-то похожий на гром, и всё-таки не гром, и тут же он увидел, что его мать подскочила на месте и тяжело осела на передние лапы. Затем она поднялась и испустила отчаянное протяжное «у-уф!» – он никогда не слышал этого сигнала, но понял, что она велит ему бежать со всех ног, спасая жизнь.

Подобно всем заботливым и любящим матерям Нузак, забывая о себе, думала только о том, как спасти своего детёныша. Протянув лапу, она внезапно толкнула Нееву, и он припустился бежать к лесу. Нузак побежала за ним. Раздался второй выстрел, и над самой её головой что-то пронзительно и страшно свистнуло. Но Нузак не ускорила бега. Она держалась позади Неевы и подгоняла его, а брюхо её разрывала жгучая боль, словно в него вонзался раскалённый железный прут. Третья пуля Чэллонера зарылась в землю под лапой Нузак, когда они были уже у самой опушки.

Ещё мгновение – и они скрылись за спасительной стеной деревьев. Инстинкт гнал Нееву в самую густую чащу, а быстро слабеющая Нузак из последних сил торопила его сзади. В её

старом мозгу сгушался страшный чёрный сумрак, который начинал застилать ей глаза, и она поняла, что её жизненный путь кончается здесь. Позади осталось двадцать лет, впереди она могла рассчитывать лишь на несколько минут, купленных отчаянным напряжением всего её существа. Она остановила Нееву под большим кедром и, как делала это много раз прежде, велела ему взобраться по стволу. На миг её горячий язык с последней лаской коснулся его мордочки, а потом она повернулась, чтобы дать свой последний безнадежный бой.

Она поплелась навстречу Чэллонеру, но в двадцати шагах от кедра остановилась в ожидании, низко опустив голову. Её бока тяжело вздымались, зрение совсем отказывалось служить, и вот с судорожным вздохом она упала на землю, преграждая путь врагу. Быть может, она на мгновение увидела золотые луны и жаркие солнца всех её ушедших двадцати лет, быть может, она вновь услышала чудесную нежную музыку весны, сплетающуюся с извечной песней жизни, и в награду за материнскую самоотверженность смерть её была безболезненна и легка.

Когда Чэллонер подошёл к старой медведице, она была мертва. С укромной развилки, спрятанной высоко среди могучих ветвей кедра, Неева смотрел вниз, на первую страшную трагедию своей жизни и на приближающегося человека. При виде этого двуногого зверя он ещё плотнее прижался к суку, и его сердчишко готово было разорваться от неизъяснимого ужаса. Он ни о чём не думал. И не разум подсказал ему, что произошло непоправимое и что причиной тому было это двуногое существо. Его маленькие глазки поблёскивали над самой развилкой. Он не понимал, почему его мать не встаёт и не бросается на этого нового врага. Несмотря на свой испуг, он был готов свирепо зарычать, только бы она проснулась; он готов был спуститься с дерева и помочь ей победить, как тогда в схватке со старым разбойником Макузом. Но огромное тело Нузак застыло в неподвижности – она не шевельнулась, даже когда Чэллонер нагнулся над ней. Последняя искра жизни уже угасла в старой медведице.

Лицо Чэллонера покраснело от охотничьего азарта. Он убил Нузак не ради забавы. Теперь он получил великолепную шкуру и достаточный запас мяса, чтобы без задержек добраться до цивилизованных мест. Прислонив ружьё к дереву, Чэллонер начал искать медвежонка. Он достаточно хорошо разбирался в звериных повадках и знал, что далеко от матери медвежонок уйти не мог, а потому принялся осматривать соседние заросли и большие деревья.

Неева во время этих поисков испуганно скорчился на своей развилке за завесой ветвей, стараясь стать как можно меньше. Через полчаса Чэллонер разочарованно махнул рукой и направился к речке, чтобы напиться перед тем, как освежать свою добычу, – работа обещала быть нелёгкой.

Едва он скрылся из виду, как Неева насторожённо высунул мордочку из-за сука. Подождав несколько секунд, медвежонок спиной вперёд соскользнул по стволу кедра на землю. Он испустил призывное повизгивание, но мать не шевельнулась. Он подошёл к ней и остановился возле её неподвижной головы, втягивая в ноздри воздух, пропитанный страшным запахом человека. Потом он потёрся щекой о щеку матери, подсунул нос под её шею и, наконец, укусил её за ухо – решительное средство, к которому он прибегал, когда желал разбудить её во что бы то ни стало. Он ничего не понимал. Жалобно поскуливая, он взобрался на большую мягкую спину матери и прильнул к ней. Его поскуливание становилось всё более тоскливым, а потом из его горла вырвался жалобный плач, удивительно похожий на плач ребёнка.

Чэллонер, уже возвращавшийся от речки, услышал этот жалобный вопль, и внезапно его сердце мучительно сжалось. Ему приходилось слышать, как плакали осиротевшие дети, и этот медвежонок, лишившийся матери, плакал точно так же.

Осторожно подкравшись к телу Нузак под прикрытием разлапистой карликовой ели, он увидел Нееву на спине мёртвой медведицы. За свою жизнь Чэллонер убил немало зверей, потому что убивать их и скупать шкуры зверей, убитых другими людьми, было его профессией. Но ничего подобного ему ещё не доводилось видеть, и у него возникло такое ощущение, словно он совершил преступление.

– Ах ты бедняга! – прошептал он. – Но что ж теперь сделаешь? Можно только пожалеть...

Эти слова прозвучали как просьба о прощении. Но раз дело было уже начато, необходимо было довести его до конца – ничего другого Чэллонеру не оставалось.

И вот так тихо, что Неева не услышал его шагов, он подкрался к нему с подветренной стороны. Медвежонок заметил опасность, когда Чэллонер был от него всего в пяти шагах. И не успел он опомниться и спрыгнуть со спины матери, как охотник накинул на него сумку для провизии.

Следующие пять минут были, пожалуй, самыми бурными пятью минутами в жизни Чэллонера. Горе и страх Неевы отступили на второй план – в нём разыгралась кровь свирепого старого Суминитика, его отца. Он царапался, кусался, бил лапами и рычал. В течение этих пяти минут он дрался, как пять дьяволят, вселившихся в одного медвежонка, и когда Чэллонер наконец обвязал верёвку вокруг его шеи и запихнул толстенькое тельце Неевы в сумку, его руки были покрыты глубокими кровоточащими царапинами.

Однако и в сумке Неева продолжал буйствовать, пока совсем не обессилел, а Чэллонер тем временем освежевал старую медведицу и срезал с её туши мясо и жир, которые были ему нужны, чтобы продолжать путь без больших задержек. Оценив достоинства шкуры Нузак, Чэллонер довольно улыбнулся, затем завернул в неё жир и мясо, перевязал свёрток сыромятным ремнём и вскинул на спину, словно заплечный мешок. Сгибаясь под тяжестью этой ноши, он поднял с земли ружьё... и Нееву. В путь к своему лагерю он двинулся в разгар дня, а добрался туда на закате. Всю дорогу Неева сопротивлялся с упорством спартанского воина и затих, только когда до стоянки оставалось не более полумили.

Но теперь медвежонок лежал в сумке из-под провизии обмякнув, еле живой, и когда Мики подозрительно обнюхал его тюрьму, он даже не шевельнулся. Все запахи теперь казались Нееве одинаковыми, и он не различал звуков, но и Чэллонер еле держался на ногах. Каждая мышца, каждая косточка в его теле болела или ныла на свой лад. И всё-таки на его потном, перепачканном лице играла гордая улыбка.

– Ну и храбрый же ты чертёнок! – сказал он, глядя на неподвижный мешок и впервые за весь день набивая трубку. – Ах ты, чертёнок, чертёнок!

Он привязал конец верёвки, обмотанной вокруг шеи Неевы, к молодому деревцу и принялся осторожно развязывать сумку. Потом он вывалил Нееву на землю и отступил на несколько шагов. В эту минуту Неева был готов заключить с Чэллонером перемирие, но когда, оказавшись на земле, он раскрыл полуослепшие глаза, то увидел перед собой вовсе не Чэллонера. Он увидел Мики, который, повиливая всем телом от с недавнего его любопытства, как раз вознамерился обнюхать неожиданного гостя!

Глазки Неевы загорелись злобным огнём. А вдруг этот нескладный корноухий детёныш двуногого зверя тоже враг? А вдруг подёргивания неизвестного существа и широкие взмахи его хвоста – это вызов на бой? Неева истолковал их именно так. Во всяком случае, перед ним был противник одного с ним роста, и, натянув верёвку до предела, он во мгновение ока набросился на щенка. Мики, всего секунду назад полный самых дружеских чувств, был опрокинут на спину. Он отчаянно болтал своими нелепыми лапами и призывал на помощь, отчаянным визгом нарушая безмятежное безмолвие золотого вечера.

Чэллонер не мог сдвинуться с места от удивления. Через секунду он опомнился и собирався уже разнять драчунов, но его вмешательство не понадобилось. Неева, стоявший над Мики, который задрал все четыре лапы в воздух, словно сдаваясь на милость победителя, медленно выпустил из зубов загривок щенка. Он снова увидел перед собой двуногого зверя. Инстинкт, несравненно более могучий, чем его примитивные мыслительные процессы, заставил его застыть без движения, вперяя глазки-бусины в лицо Чэллонера. Мики заболтал ногами в воздухе, тихонько взвизгнул и застучал хвостом по земле, словно прося пощады; потом он облизнулся и заёрзал, как будто объясняя Нееве, что у него не было никаких дурных намере-

ний. Неева, не спуская глаз с Чэллонера, вызывающе зарычал и медленно отступил от Мики. Но Мики, боясь пошевелиться, продолжал лежать на спине и болтать лапами.

Чэллонер вне себя от удивления тихонько попятился к палатке, залез в неё и продолжал наблюдать за медвежонком и щенком сквозь прореху в брезенте.

Свиристое выражение сошло с мордочки Неевы. Он поглядел на щенка. Возможно, какой-то глубоко скрытый инстинкт подсказывал ему, что маленьким детям нужны братья и сёстры – нужны товарищи для весёлых игр. И Мики, вероятно, почувствовал перемену в настроении мохнатого чёрного зверёныша, который ещё минуту назад был его врагом. Он испуганно

забил хвостом по земле и замахал на Нееву передними лапами. Затем он с некоторой опаской перекатился на бок. Неева не шевельнулся. Мики радостно завилял всем телом.

И Чэллонер, наблюдавший за ними сквозь прореху в брезенте, увидел, как они осторожно обнюхали друг друга.

Глава IV

Вечером поднялся северо-восточный ветер и пошёл мелкий холодный дождь. На заре Чэллонер вылез в промозглую утреннюю сырость, чтобы развести костёр, и увидел, что Неева и Мики спят, тесно прижавшись друг к другу, в неглубокой яме под корнем большой ели. Первым человека увидел медвежонок, и в течение нескольких секунд, прежде чем проснулся щенок, блестящие глаза Неевы были устремлены на непонятного врага, который невозвратно изменил его прежний мир. Он был так измучен, что крепко проспал всю первую ночь своего плена и за долгие часы сна успел позабыть о многом. Но теперь он вспомнил все события прошлого дня и, забившись глубже под корень, тихим визгом позвал мать – таким тихим, что его уловил только Мики.

Это повизгивание и разбудило щенка. Мики медленно выпутался из клубка, в который свернулся ночью, потянулся, разминая длинные нескладные ноги, и зевнул так громко, что Чэллонер услышал этот зевок. Человек обернулся и увидел, что из ямы у корней большой ели на него смотрят две пары глаз. Целое ухо щенка и обрубок второго встали торчком, и он приветствовал хозяина залихватским радостным лаем, в который вложил всё своё необузданное добродушие. Бронзовое лицо Чэллонера, выдубленное ветрами и метелями Севера, мокрое от серой измороси, расплылось в ответной улыбке, и Мики выбрался из ямы, извиваясь всем телом и выделявая несуразные кренделя в попытке выразить то безмерное счастье, которым преисполнила его улыбка хозяина.

Теперь, когда в его распоряжении оказалась вся яма, Неева забился в дальний её угол – только его круглая голова торчала оттуда, и из этой крепости, обещавшей хотя бы временную безопасность, он злобным, испуганным взглядом следил за убийцей своей матери.

Перед ним снова с невыносимой ясностью развёртывалась вчерашняя трагедия: залитая солнечным светом отмель, на которой они с Нузак мирно ловили раков, когда неведомо откуда появился этот двуногий зверь, удар какого-то странного грома, их бегство к лесу и завершение всего – последняя попытка Нузак остановить врага. Однако теперь, утром, наиболее мучительным было воспоминание не о гибели матери, а о его собственном ожесточённом сопротивлении двуногому зверю и о чёрной душной сумке, в которой Чэллонер принёс его в лагерь. А Чэллонер в эту минуту как раз поглядывал на свои исцарапанные руки. Потом он шагнул к ели и улыбнулся Нееве той же дружеской улыбкой, какой недавно улыбался Мики, неуклюжему щенку.

Глазки Неевы зажглись красным огнём.

– Я же объяснил тебе вчера, что жалею об этом, – сказал Чэллонер, словно обращаясь к человеку.

В некоторых отношениях Чэллонер совсем не походил на типичного обитателя северного края. Например, он верил в особые свойства мозга животных и был убеждён, что у животного, если с ним разговаривать и обращаться как с товарищем-человеком, может развиться особая способность воспринимать и понимать сказанное, которую он весьма ненаучно считал разумом.

– Я объяснил тебе, что жалею об этом, – повторил он, присаживаясь на корточки всего в двух шагах от корня, из-под которого выглядывали яростные глазки Неевы. – И я правда жалею. Я жалею, что убил твою мать. Но нам было нужно мясо и жир. Что поделаешь! А мы с Мики постараемся возместить тебе твою потерю. Мы возьмём тебя с собой к моей сестрёнке, и если ты её не полюбишь, значит, ты самый последний бессердечный чурбан и вообще не заслуживаешь, чтобы у тебя была мать. Вы с Мики будете расти как братья. Его мать тоже умерла – сдохла от голода, а это намного хуже, чем сразу умереть от пули. И я нашёл Мики

совсем как тебя: он тоже прижимался к ней и плакал, словно ему не для чего было больше жить. Ну, так смотри веселей и дай лапу. Давай обменяемся рукопожатием.

Чэллонер протянул руку. Неева не шелохнулся. Всего несколько секунд назад он зарычал бы и оскалил бы зубы. Но теперь он сохранял полную неподвижность. Такого странного зверя ему ещё никогда не приходилось видеть. Вчера этот двуногий не причинил ему никакого вреда – только посадил в сумку. И теперь он тоже, по-видимому, не замыслил ничего дурного. Более того: в звуках, которые он выпускал, не было ничего враждебного или неприятного. Неева покосился на Мики. Щенок протиснул морду между колен Чэллонера и глядел на медвежонка с глубоким недоумением, словно спрашивая: «Ну, чего ты сидишь под корнем? Почему не вылезешь помочь с завтраком?»

Рука Чэллонера придвинулась ближе, и Неева совсем вжался в дальнюю стенку ямы. И тут произошло чудо. Лапа двуногого зверя коснулась его головы, и от этого по всему его телу пробежала непонятная, томительная дрожь. Однако лапа не причинила ему никакой боли. Если бы он не затиснулся в тесный угол, он постарался бы укунить её и исцарапать. Но теперь он просто не имел возможности пошевелиться.

Чэллонер медленно сдвигал пальцы на загривок Неевы, где кожа лежала свободными складками. Мики, догадываясь, что сейчас должно произойти что-то необычайное, внимательно следил за всеми действиями хозяина. И вот пальцы Чэллонера сомкнулись, быстрым движением он извлёк Нееву на свет божий и продолжал держать в воздухе на вытянутой руке. Неева вскидывал лапами, извивался и так вопил, что Мики из дружеского сочувствия принялся выть, и вдвоём они подняли совсем уж оглушительный шум. Через полминуты Чэллонер снова посадил Нееву в сумку, но на этот раз он оставил его голову снаружи, крепко стянув тесёмки и для верности обмотав шею медвежонка сыромятным ремнём. Таким образом, три четверти Неевы находились в плену и только голова осталась на свободе. Одним словом, он был живой иллюстрацией к пословице, что медвежонка в мешке не утаишь.

Оставив Нееву возмущённо кататься по земле, Чэллонер занялся приготовлением завтрака. Однако Мики, против обыкновения, не следил за ним голодными глазами: щенок нашёл зрелище, показавшееся ему более интересным, чем даже увлекательная процедура стряпни. Мики крутился возле Неевы, смотрел, как он бьётся в мешке, слушал его вопли и, полный сочувствия, тщетно пытался как-то помочь ему. В конце концов Неева затих, а Мики сел возле него и посмотрел на хозяина если и не с прямым осуждением, то, во всяком случае, с горьким недоумением.

Серые тучи уже начинали розоветь и редеть, обещая ясный день, когда Чэллонер был наконец готов вновь отправиться в путь на юг. Он уложил в челнок весь свой багаж, а потом очередь дошла и до Мики с Неевой. На носу он из шкуры старой медведицы устроил мягкое гнездо, а затем подозвал Мики и обвязал его шею концом старой верёвки, а другой её конец завязал вокруг шеи Неевы. В результате и медвежонок, и щенок оказались на одной сворке длиной в ярд. Ухватив их обоих за загривок, Чэллонер отнёс их в лодку и положил в гнездо, которое устроил из медвежьей шкуры.

– Ну, малыши, ведите себя прилично! – предупредил он их. – Сегодня нам надо сделать не меньше сорока миль, чтобы наверстать время, потерянное вчера.

Когда челнок покинул заводь, над восточным горизонтом из туч вырвался сноп солнечных лучей.

Глава V

За те несколько секунд, которые потребовались, чтобы челнок плавно заскользил по широкой глади озера, в Нееве произошла поразительная перемена. Чэллонер её не заметил, а Мики не осознал. Однако каждая жилка в теле Неевы трепетала, и сердце колотилось, как в тот замечательный день, когда его мать победила в драке старого Макуза. Медвежонку казалось, что вот-вот всё пойдёт по-прежнему, всё утраченное вернётся – ведь он чуял запах своей матери! Он скоро обнаружил, что её запах был особенно свеж и силен в мохнатой штучке, которая лежала под ним, и поглубже вжался в неё, распластавшись на толстом пузике и поглядывая на Чэллонера из-за сложенных лап.

Ему никак не удавалось понять и связать эти две вещи – двуногий зверь на корме гнал челнок по воде, а он в то же время ощущал под собой спину матери, тёплую и мягкую, но почему-то совсем неподвижную. И он не сумел сдержаться – тихим и горестным повизгиванием он позвал мать. Но ответа не последовало. Только Мики сочувственно заскулил – так ребёнок начинает плакать, если видит слёзы приятеля. А мать Неевы не пошевелилась. Не ответила. Да он и не видел её – тут была только её чёрная мохнатая шкура. Без головы, без лап, без больших голых пяток, которые он любил щекотать, и без ушей, которые он любил покусывать. Тут не было от неё ничего, кроме свёртка чёрной шкуры и... запаха!

И всё-таки испуганное маленькое сердце Неевы находило утешение и в этом. Он ощущал близость непобедимой силы, которая охраняла его. Тепло солнечных лучей распушило шерсть медвежонка; он опустил коричневый нос между передними лапами и сунул его в материнский мех. Мики тоже положил голову на передние лапы и внимательно следил за своим новым приятелем, словно пытаясь разгадать его тайну. В его смешной голове, увенчанной одним целым ухом и одной половинкой уха и украшенной щетинистыми бакенбардами, которые он унаследовал от деда-эрделя, шла напряжённая работа. Вначале он встретил Нееву как друга и товарища, а тот вместо благодарности задал ему хорошую трёпку. Впрочем, это Мики готов был простить и забыть. Но вот полнейшего равнодушия Неевы к его персоне он простить не мог. Медвежонок просто не замечал его неуклюжих изъявлений симпатии и сочувствия. Когда он лаял, прыгал, припадал к земле и извивался всем телом, дружески приглашая его поиграть в пятнашки или просто устроить весёлую возню, Неева только смотрел на него непонимающими глазами, как дурачок. Возможно, Мики проникся убеждением, что Неева вообще ничего, кроме драк, не любит. Во всяком случае, прошло много времени, прежде чем он предпринял новую попытку завязать дружбу с медвежонком.

Произошло это спустя несколько часов после завтрака, когда солнце было уже на полпути к зениту. Неева всё ещё лежал не шевелясь, и Мики невыносимо скучал. Ночной дождь остался лишь неприятным воспоминанием – в синем небе над их головами не было ни облачка. Челнок уже давно покинул озеро, и Чэллонер гнал его теперь по прозрачной речке, которая вилась по южному склону водораздела, пролегающего между хребтом Джексона и Шаматтавой. Чэллонер никогда прежде не плавал по этой речке, вытекавшей из озера, и, опасаясь водопада или порогов, он внимательно вглядывался в даль и всё время был начеку. Последние полчаса течение постепенно убыстрялось, и Чэллонер не сомневался, что скоро ему придётся перетаскивать челнок по берегу волоком. Вскоре он услышал впереди низкий непрерывный гул и понял, что приближается к опасному месту. Когда он стремительно обогнул следующий мысок, держась совсем рядом с берегом, он увидел ярдах в пятистах впереди белое кипение воды и пены между камнями.

Чэллонер быстро оценил положение. Правый берег у порогов круто уходил вверх почти отвесным обрывом, слева вплотную к воде подступал густой лес. Чэллонер сразу понял, что тащить челнок волоком можно будет только по левому берегу, а он в этот момент плыл у пра-

вого берега. Он повернул челнок под углом в сорок пять градусов и принялся грести, напрягая все силы. По его расчёту, у него едва хватало времени, чтобы добраться до левого берега, прежде чем течение станет опасным. Сквозь свирепое рокотание порогов Чэллонер теперь слышал грохочущий рёв водопада где-то дальше за ними.

Вот в эту-то роковую минуту Мики и решил ещё раз попытаться расшевелить Нееву. Дружелюбно тявкнув, он ударил его лапой. А костлявые, длинные лапы Мики были непомерно велики для такого молодого щенка, и удар, пришедшийся по кончику носа Неевы, можно было бы сравнить с хорошим тычком боксёрской перчаткой. Немалую роль для дальнейшего сыграла также неожиданность этого удара. В довершение всего Мики взмахнул другой лапой, как дубинкой, и угодил Нееве в глаз! Этого нельзя было бы снести даже от друга. Зарывав, Неева выскочил из своего гнезда и сцепился с щенком.

Не следует забывать, что Мики, хотя он постыдно запросил пощады в их первой стычке, тоже происходил из рода испытанных бойцов. Смешайте кровь гончей маккензи – самой крупнокостной, самой широкогрудой, самой сильной собаки северного края – с кровью шпица и эрдельтерьера, и вы получите нечто весьма незаурядное. Если гончая маккензи при всей своей бычьей силе отличается неизменным добродушием и миролюбием, то северные шпицы и эрдельтерьеры все без исключения большие забияки, и ещё вопрос, кого из них следует считать более воинственной породой. И внезапно в маленьком покладистом щенке проснулся дьявол. На этот раз Мики не стал покорно тявкать, прося пощады. Он рванулся навстречу челюстям Неевы, и через две секунды они уже сцепились в великолепной драке на носу челнока – месте, менее всего подходящем для подобного занятия.

Они не обращали внимания на грозные окрики Чэллонера, который продолжал отчаянно грести, чтобы преодолеть течение, увлекавшее его к порогам. Неева и Мики были слишком поглощены друг другом и не слышали его. Все четыре лапы Мики снова болтались в воздухе, но на этот раз его острые зубы крепко стискивали складку кожи на горле Неевы, а лапами он толкал и бил медвежонка, и, наверное, Нееве пришлось бы плохо, если бы не случилось того, чего опасался Чэллонер. Всё ещё свившись в тесный клубок, они скатились с носа челнока в стремнину.

Секунд на десять они скрылись под водой. Затем вынырнули в добрых пятидесяти ярдах ниже по течению – бок о бок они уносились к неизбежной гибели, и с губ Чэллонера сорвался придушенный крик: спасти их он не мог, и в этом крике слышалось искреннее горе. Много недель Мики был его единственным товарищем и собеседником.

Связанные верёвкой длиной в один ярд Мики и Неева вместе нырнули в бурлящий водоворот. Мики следовало бы только возблагодарить судьбу за то, что хозяин привязал его на одну верёвку с медвежонком. Мики в свои три месяца весил четырнадцать фунтов, причём на восемьдесят процентов он состоял из костей и лишь на один процент из жира. Неева же весил тринадцать фунтов и на девяносто процентов состоял из жира. Поэтому плавучесть Мики равнялась плавучести небольшого железного якоря, тогда как Неева держался на воде как спасательный пояс и был практически непотопляем.

Ни в щенке, ни в медвежонке не нашлось бы и капли трусости. Оба унаследовали от своих предков упрямое мужество, и хотя первые сто ярдов Мики почти всё время находился под водой, он ни на мгновение не прекращал упорных попыток выбраться на поверхность. Иногда его переворачивало на спину, иногда на живот, но в любом положении он работал всеми своими четырьмя огромными лапами, как вёслами. В известной степени это помогало Нееве, который делал поистине героические усилия, чтобы не наглотаться воды. Будь он один, благодаря десяти фунтам своего жира он пронёсся бы через пороги, как обтянутый шкурой мячик. Однако он тащил на шее четырнадцатифунтовый груз, и ему грозила серьёзная опасность захлебнуться. Раз десять, когда Мики засасывал очередной водоворот, Неева тоже пол-

ностью исчезал под водой. Однако он тут же выплывал, отчаянно загребая всеми четырьмя короткими толстыми лапами.

Затем их принесло к водопаду. К этому времени Мики уже привык передвигаться под водой и, к счастью для себя, не увидел, какой новый ужас поджидает их впереди. Его лапы почти перестали двигаться. Он ещё слышал рёв, забивавший ему уши, но рёв этот уже перестал его пугать. Дело в том, что Мики к этому времени захлебнулся и постепенно терял сознание. Неее же было отказано в безболезненной смерти. Когда наступил гибельный миг, он прекрасно понимал, что происходит. Его голова находилась над водой, и он всё отлично видел и слышал. Внезапно река ушла из-под него, и он унёсся вниз, увлекаемый водной лавиной и больше уже не ощущая тяжести Мики на своей шее.

Чэллонер мог бы совершенно точно определить глубину омуты ниже водопада. Если бы Неева был способен высказать по этому поводу своё мнение, он поклялся бы, что глубина эта равна миле. Мики же не был способен ничего определять, и его совершенно не волновало, равна ли глубина омуты двум футам или двум милям. Лапы больше ему не повиновались, и он отдался на волю судьбы. Однако Неева всплыл, а с ним и Мики – как грузило за поплавателем. Щенок уже готовился испустить последний вздох, но тут течение вышвырнуло Нееву на полузатонувшую корягу, и, прилагая отчаянные усилия, чтобы выбраться из воды, медвежонок вытащил из неё и голову Мики, так что щенок закачался на конце коряги, точно повешенный.

Глава VI

Весьма сомнительно, что в следующие несколько секунд Неева действовал сознательно и обдуманно. Было бы наивно предположить, будто он хотел помочь полумёртвому, оглушённому Мики и пытался спасти его. Он стремился только к одному – выбраться из воды на какое-нибудь более сухое и безопасное место, но при этом он волей-неволей тащил за собой щенка. И когда Неева, натянув верёвку, впился острыми коготками в корягу, а потом взобрался на неё, Мики тоже был вырван из хватки холодного враждебного потока. Только и всего. Затем Неева перебрался на бревно, вокруг которого вода закручивалась воронками, и, прильнув к нему, вцепился в него так, как ещё никогда в жизни ни во что не вцеплялся. От берега бревно полностью заслоняли густые высокие кусты. Если бы не это, Чэллонер увидел бы щенка и медвежонка, когда десять минут спустя проходил мимо этого места. Но они были скрыты от его взгляда кустами, а Мики ещё не был в состоянии учуять или услышать своего хозяина, когда Чэллонер спустился к воде посмотреть, не удалось ли всё-таки его маленькому товарищу спастись; Неева же, конечно, только плотнее прильнул к бревну. Он уже достаточно насмотрелся на двуногого зверя и больше не желал его видеть до конца своих дней. Только через полчаса Мики захрипел, закашлял и начал выплёвывать воду, и впервые с момента их драки на носу челнока Неева проявил к щенку живейший интерес. Ещё через десять минут Мики поднял голову и огляделся. Тогда Неева дёрнул верёвку, словно давая ему понять, что им пора подумать, как выбраться на берег. Мики, мокрый, несчастный, был похож не столько на живое существо, сколько на обглоданную кость. Однако, увидев перед собой Нееву, он всё-таки попробовал завилать хвостом. Он всё ещё лежал в воде, хотя тут её глубина не достигала и двух дюймов, а потому, с надеждой оглядывая бревно, на котором расположился Неева, он кое-как поднялся на ноги и пошёл к нему. Это было очень толстое и совсем сухое бревно, но едва Мики добрался до него, как судьба снова сыграла с ним злую шутку. Щенок забросил на бревно передние лапы и начал карабкаться к Нееве, старательно и неуклюже цепляясь когтями за кору и сучки. Однако только этих лёгких толчков бревну и не хватало, чтобы сползти с топляка в стремнину. Течение сначала медленно подхватило один конец бревна и развернуло его, так что он попал в главную струю, которая потащила его с такой внезапностью и силой, что Мики едва не сорвался в воду. Бревно качнулось, приняло устойчивое положение и помчалось, прыгая по волнам с быстротой, от которой даже у Чэллонерахватило бы дух, если бы он со своим верным челноком очутился на их месте.

И действительно, Чэллонер в эту минуту обходил по берегу быстрины ниже водопада. Он не решился бы без серьёзной нужды пуститься в челноке по бешеной воде, над которой сейчас торжествовали славную победу Неева с Мики, и предпочёл потерять два часа, перетаскивая свой багаж через лес до мыска на полмили ниже по течению. Эти полмили медвежонок и щенок запомнили на всю жизнь.

Они сидели на бревне мордочками друг к другу, примерно на его середине. Неева, вонзив когти в кору, как рыболовные крючки, распластался на животе и смотрел перед собой выпученными коричневыми глазками. Оторвать его от бревна удалось бы только с помощью лома. Что до Мики, то он с самого начала удерживался на их утлом судёнышке только чудом. Его когти не были предназначены для того, чтобы во что-то вонзаться; его неуклюжие лапы в отличие от лап Неевы не могли обхватить бревно, как две пары человеческих рук. Ему оставалось только одно: любой ценой сохранять равновесие, принаравливаясь к движению и поворотам бревна, и ложиться то вдоль него, то поперёк, ежесекундно рискуя сорваться в воду. Неева не отводил от него пристального взгляда. Если бы глаза медвежонка были буравчиками, то он наверняка просверлил бы в Мики две дырочки. Этот взгляд был таким отчаянным и напряжённым, что можно было подумать, будто Неева отдаёт себе отчёт в том, насколько его собственная судьба

зависит от того, удержится Мики на бревне или нет. Если бы щенок сорвался, медвежонок не спасли бы ни цепкость его когтей, ни крепкая хватка: ему тогда осталось бы только одно – лететь в воду вслед за Мики.

Комель бревна был гораздо шире и тяжелее остальной его части, потому оно не вертелось в воде, а летело прямо вперёд, словно огромная чёрная стремительная торпеда. Неева сидел спиной к новым порогам, ревущим и громоздящим пену впереди, но Мики это жуткое зрелище открывалось во всей своей грозной красоте. Бревно то и дело ныряло в белую гору пены и на одну-две секунды полностью скрывалось в ней. В такие моменты Мики переставал дышать и закрывал глаза, а Неева старался запустить когти ещё глубже в кору. Один раз бревно задело камень – ещё шесть дюймов, и они остались бы без своего корабля. Уже на полпути через быстрины и медвежонок, и щенок превратились в два клубка пены, в которых испуганно блестели глаза.

Но вскоре оглушительный рёв быстрин зазвучал уже позади них; огромных камней, вокруг которых река рычала и бесновалась, стало заметно меньше – всё чаще попадались совсем чистые участки, где бревно плыло ровно, без толчков, и в конце концов они достигли широкого спокойного плёса. И лишь тогда пенные клубки зашевелились. Неева только теперь увидел целиком всю картину крошечного ада, сквозь который они пронеслись, а глазам Мики открылись пологие берега ниже по течению, густой лес и тихая, сверкающая на солнце речная гладь. Он набрал в лёгкие как можно больше воздуха и выдохнул его с таким глубоким и искренним облегчением, что с кончика его носа и с бакенбардов полетели брызги. Только тут он почувствовал, что держится на бревне в крайне неудобной позе: одна задняя лапа была неловко подвёрнута, а передняя придавлена его же собственной грудью. Зеркальное спокойствие воды и близость берега придали ему уверенности, и он постарался принять более удобное положение. В отличие от Неевы Мики был опытным путешественником. Ведь он больше месяца изо дня в день плыл с Чэллонером в челноке и давно уже ничуть не боялся обычной благопристойной воды. Поэтому он немного ободрился и даже твякнул, словно поздравляя Нееву с благополучным исходом их плавания среди порогов. Правда, в этом твяканье слышалась жалобная нота.

Однако Неева воспитывался в совсем других понятиях, и хотя с челноком он познакомился только в этот день, повадки брёвен он успел изучить хорошо. Он по горькому опыту знал, что в воде брёвна – это почти живые существа и что все они в любую минуту могут сыграть с тем, кто им доверится, самую злую и непредвиденную шутку. Мики же, к несчастью, и понятия об этом не имел. Бревно благополучно пронесло их по стремнинам, страшной которых он в жизни не видывал, а потому теперь оно представлялось ему первоклассным челноком, правда, зачем-то закруглённым сверху, что было крайне неудобно. Впрочем, этот единственный недостаток не очень смущал щенка. И вот, к ужасу Неевы, Мики смело приподнялся, сел на задние лапы и посмотрел по сторонам.

Медвежонок, ослабивший было свою хватку, снова инстинктивно вцепился в кору, а Мики почувствовал непреодолимое желание встряхнуться, чтобы избавиться от пены, облепившей его всего, если не считать глаз и кончика хвоста. Он часто встряхивался в челноке. Так почему бы не встряхнуться и сейчас? И даже не задав себе этого вопроса, он энергично дёрнулся всем телом. Бревно в ответ немедленно перевернулось. Не успев даже взвизгнуть, Мики слетел с него, звучно плюхнулся в воду и снова исчез в глубине, как свинцовое грузило.

Впервые погрузившись в воду с головой, Неева доблестно не разжал лап, и когда бревно вернулось в прежнее положение, медвежонок всё ещё сидел на нём – только пену с него смыло. Он поискал взглядом Мики, но щенка нигде не было видно. И вдруг он снова ощутил, что к его шее подвешен тяжёлый груз. Его голова невольно наклонилась, и он увидел уходящую под воду верёвку, но не Мики: щенок погрузился так глубоко, что медвежонок не мог его разглядеть. Верёвка всё сильнее тянула Нееву вниз (течения тут почти не было, и ничто не поддерживало

Мики), но он не ослаблял хватки. Если бы он разжал лапы и вслед за Мики очутился в воде, им пришлось бы худо. Но теперь Мики, бивший лапами глубоко под бревном, играл одновременно роль и якоря, и руля. Бревно медленно повернулось, попало в прибрежную струю и почти вплотную приблизилось к болотистому мыску.

Одним отчаянным прыжком Неева очутился на берегу. Почувствовав под лапами твёрдую землю, он пустился бежать, и в результате Мики медленно возник из ила и распластался на отмели, точно гигантский краб, ловя воздух разинутой пастью. Почувствовав, что его товарищ не в силах двигаться, Неева остановился, встряхнулся и стал ждать. Мики оправился быстро. Уже через пять минут он был на ногах и с таким неистовством принялся стряхивать с себя воду, что на Нееву обрушился настоящий ливень брызг и липкого ила.

Если бы они остались на этом месте подольше, на них примерно через час наткнулся бы Чэллонер, потому что он плыл возле самого берега, высматривая, не увидит ли где-нибудь их мёртвые тела. Возможно, что инстинкт, впитавший в себя опыт бесчисленных предков, сказал Нееве о такой возможности, но, как бы то ни было, уже через четверть часа медвежонок решительно зашагал к лесу, и Мики послушно последовал за ним. Щенку это казалось интересным приключением.

К Нееве вернулось бодрое настроение. Ведь хотя он и лишился матери, лес оставался его родным домом. После всех мучений, которые доставил ему двуногий зверь, а потом и Мики, бархатистое прикосновение мягких сосновых игл к его подошвам и знакомые запахи укромной чащи доставляли ему особенную радость. Он возвратился к прежней жизни. Медвежонок нюхал воздух, настораживал уши, и его пьянило сознание, что он снова может делать всё, что захочет. Лес был ему не знаком, но Нееву это не смущало. Все леса казались ему одинаковыми – ведь в его владении находилось несколько сотен тысяч квадратных миль лесных угодий, и у него не было возможности побывать в них всех.

С Мики дело обстояло по-другому. Его охватила тоска по Чэллонеру и реке, а кроме того, он начал тревожиться, заметив, что Неева уводит его всё дальше и дальше в тёмные, таинственные глубины лесной чащи. Наконец он решил воспротивиться и начал с того, что упёрся в землю всеми четырьмя лапами, так что внезапно натянувшаяся верёвка опрокинула Нееву, и он упал на спину с удивлённым фырканьем. Воспользовавшись своим преимуществом, Мики повернулся и направился назад к реке; налегая на верёвку с лошадиной силой, достойной его отца, он успел протащить Нееву по земле шагов пятнадцать, и только тогда медвежонку наконец удалось подняться на ноги.

И началась борьба. Напрягая задние лапы, крепко упираясь передними в мягкую землю, медвежонок и щенок тянули верёвку в противоположные стороны, пока их шеи совсем не онемели, а глаза не вылезли на лоб. Неева тянул ровно и флегматично, Мики же на собачий лад дёргался всем телом и выгибался; благодаря этим неожиданным толчкам ему удавалось каждый раз немного сдвинуть Нееву с места. В конечном счёте всё сводилось к тому, чья шея окажется крепче. У Неевы под слоем жира ещё не успели нарасти сильные мышцы, и Мики имел тут перед ним заметное преимущество. Несмотря на удобу и костлявость, щенок был очень силен для своего возраста – Неева ещё несколько минут героически сопротивлялся, но потом уступил и послушно пошёл в том направлении, которое выбрал Мики.

Медвежонок, подобно всем своим сородичам, без всякого труда нашёл бы кратчайший путь к реке, но у Мики умение ориентироваться далеко уступало твёрдости его намерений, и Неева заметно повеселел, когда обнаружил, что его спутник уводит его ещё дальше от опасной реки, хотя зачем-то и описывает при этом широкую дугу. Ещё через четверть часа Мики окончательно заблудился. Он присел на задние лапы, поглядел на Нееву и негромко заскулил, признавая своё поражение.

Неева не шевельнулся. Его зоркий взгляд внезапно остановился на сером шаре, который был прилеплен к ветке невысокого куста в десяти шагах от них. До появления двуногого зверя

медвежонок только и делал, что ел весь день напролёт, но со вчерашнего утра у него даже маленького жучка во рту не было. Его томил ужасный голод, и когда он увидел серый шар, его слюнные железы мгновенно заработали. Это было осиное гнездо! Сколько раз за свою коротенькую жизнь он видел, как Нузак, его мать, подходила к таким гнёздам, сбрасывала их на землю, давила огромной лапой, а потом звала его полакомиться мёртвыми осами! В течение последнего месяца осы неизменно входили в его дневной рацион, и их вкус ему очень нравился. И вот Неева направился к гнезду. Мики пошёл за ним. Когда до гнезда оставалось шага три, Мики ясно расслышал тихое, но крайне неприятное жужжание. Однако Неева ничуть не встревожился. Рассчитав высоту гнезда, он встал на задние лапы, передние протянул к гнезду и дёрнул его – роковое движение!

Немедленно монотонное жужжание, которое заметил Мики, стало гневным и пронзительным, словно где-то заработала электрическая пила. Мать Неевы тут молниеносно наступила бы на гнездо тяжёлыми лапами, раздавив всех его обитателей, но рывок Неевы только слегка повредил жилище Ахму и его свирепого племени. Ахму был в этот момент дома, так же как и три четверти его воинов. Прежде чем Неева успел ещё раз дёрнуть гнездо, они вырвались наружу тёмным грозным облаком, и Мики внезапно испустил душераздирающий визг: на нос щенка опустился Ахму собственной персоной! Неева не издал ни звука, а только начал бить себя по мордочке передними лапами. Мики же, продолжая визжать, сунул свой укушенный нос в землю. Мгновение спустя в битву вступили все бойцы армии Ахму. Неева тоже вдруг испустил отчаянный вопль и бросился бежать прочь от гнезда. Мики не отставал от него ни на шаг. Ему казалось, что на его нежной шкуре нет такого места, в которое не погрузилась бы раскалённая игла. Вопли Неевы были оглушительны. Он ревел не переставая, и в эту басовую ноту вплетался альтовый визг Мики, придавая ей какой-то потусторонний оттенок. Окажись поблизости суеверный охотник, он не усомнился бы, что в лесу устроили праздник волки-обортни.

Обратив врагов в паническое бегство, осы – противники довольно благородные – не стали бы их преследовать и вернулись бы в свою повреждённую крепость, если бы не одно злополучное обстоятельство: улепётывая во все лопатки, Мики промчался слева от молодой берёзки, а Неева – справа от неё, и натянувшаяся верёвка остановила их так резко, что чуть было не сломала им шеи. Осиный арьергард вновь накинута на врагов, которые вдруг перестали убежать. Тут в Нееве наконец разыгралась его воинственная кровь, и, размахнувшись, он хлопнул Мики по спине. Полуослепший щенок уже совсем обезумел от боли и ужаса, а потому принял чувствительные уколы острых когтей Неевы за новые укусы жужжащих чудовищ и, взвизгнув ещё раз, упал на землю в припадке, похожем на эпилептический.

Это их и спасло. Свиваясь в бешеных судорогах, Мики перекатился к Нееве, отцепив верёвку от берёзки, и Неева снова кинулся наутёк. Мики бросился за ним, завывая при каждом прыжке. Неева забыл о страхе, который внушила ему порожистая река. Инстинкт подсказывал ему, что он должен найти воду, и как можно скорее. Самым прямым путём, словно Чэллионер указал ему дорогу по компасу, Неева мчался к реке, но не успел он пробежать и трёхсот шагов, как наткнулся на ручеёк, который оба они могли бы легко перескочить. Неева сразу же прыгнул в ручеёк, глубина которого достигала тут четырёх-пяти дюймов, и Мики впервые в жизни добровольно погрузился в воду. Они оба долго лежали в прохладном ручье.

Глаза Мики ничего не различали, кроме расплывчатого сияния дня, и он весь начал пухнуть – от кончика носа до кончика узловатого хвоста. Неева благодаря защитному слою жира пострадал меньше. Он полностью сохранил зрение и, несмотря на боль, длившуюся час, второй, третий, принялся понемногу приводить в порядок свои мысли.

Всё началось с двуногого зверя. Двуногий зверь отнял у него мать, двуногий зверь посадил его в тёмный мешок, и тот же двуногий зверь привязал ему на шею эту верёвку. Мед-

ленно, постепенно он начал проникаться убеждением, что источником всех последних бед была именно эта верёвка.

Несколько часов спустя они с трудом вылезли из ручейка и отыскивали мягкую сухую ложбинку между корнями большого дерева. В лесной чаще сгущался сумрак, и даже Неева, глаза которого не пострадали, видел уже плохо. Солнце спустилось совсем низко. В воздухе потянуло прохладой. Распластавшись на животе, сунув распухшую голову между передними лапами, Мики жалобно поскуливал.

Взгляд Неевы то и дело обращался к верёвке, а в голове у него зрело важное решение. Он взвизгнул – не то по привычке призывая мать, не то из сочувствия к Мики. Он прижался к щенку, испытывая непреодолимую потребность в чьей-то дружеской близости. Ведь Мики, в конце концов, был тут ни при чём. Всему виной двуногий зверь... и верёвка!

Их всё более плотно окутывала вечерняя тьма, и, теснее прижавшись к щенку, Неева схватил верёвку обеими лапами. С тихим рывканьем он впился в неё зубами и принялся настойчиво грызть. Время от времени он выпускал негромкое ворчание, и в этом ворчании была успокоительная интонация, точно он уговаривал Мики: «Разве ты не видишь? Я перегрызу эту штуку пополам. К утру я кончу. Не вешай носа! Дальше будет лучше».

Глава VII

Наутро после трагического столкновения с осиным племенем Неева и Мики еле поднялись на распухшие, онемевшие лапы, когда настало время просыпаться и приветствовать зарю нового дня в таинственных глубинах леса, куда случай забросил их накануне. В них обоих жил дух неукротимой юности, и хотя Мики так раздулся от осиных укусов, что его тощее тело и неуклюжие лапы приобрели совсем уже нелепый вид, он готов был с величайшей охотой пуститься на поиски новых приключений.

Морда щенка стала круглой как луна, а голова настолько увеличилась, что Неева, возможно, опасался: а не лопнет ли она? Однако глаза Мики (насколько их можно было разглядеть за распухшими веками) весело блестели, а здоровое ухо и половинка стояли торчком – он словно спрашивал медвежонка, чем они займутся теперь. Боль от укусов совершенно утихла, и хотя Мики ощущал, что его тело стало заметно больше, в остальном он чувствовал себя прекрасно.

Неева благодаря своему спасительному жирку вынес из боя с осами меньше рубцов и ран. Собственно говоря, о том, что ему пришлось перенести накануне, напоминал только совершенно заплывший правый глаз. Зато левый поглядывал на мир весело и зорко. Ни опухший глаз, ни онемевшие лапы не смущали Нееву – наоборот, настроение у него было самое бодрое и он нисколько не сомневался, что всё плохое осталось позади. Ему удалось ускользнуть от двуногого зверя, который убил его мать; он вернулся в гостеприимные, милые его сердцу леса, и, наконец, он сумел за ночь перегрызть верёвку, которой Чэллонер связал его с Мики. После благополучного избавления от такой напасти он теперь не удивился бы, если бы из-за деревьев вдруг вышла Нузак, его мать. Вспомнив о ней, он заскулил. А Мики вспомнил о своём хозяине и, ощутив безлюдную пустынную окружающего мира, заскулил в ответ.

Оба были очень голодны. Накануне одно несчастье сменялось другим с такой быстротой, что у них не было никакой возможности поесть. Вчерашние события всё-таки порядочно напугали Мики, и поэтому, пока Неева деловито оглядывал окружавший их лес, щенок каждое мгновение ожидал какой-нибудь новой беды.

По-видимому, осмотр удовлетворил медвежонка: повернувшись спиной к солнцу, как всегда делала его мать, он решительно зашагал вперёд. Мики побрёл за ним. Только в эту минуту он обнаружил, что у него в теле как будто не осталось ни единого сустава. Шея не поворачивалась, лапы превратились в деревянные ходули, и, стараясь не отставать от медвежонка, он за пять минут успел ровно столько же раз споткнуться и упасть. Вдобавок его глаза так заплыли, что он наполовину ослеп, а потому после пятого падения потерял Нееву из виду и протестующе завизжал. Неева остановился и сунул нос под гнилой ствол поваленного дерева. Когда Мики подковылял к нему, он увидел, что медвежонок, припав к земле, деловито слизывает поселение больших рыжих укусных муравьёв. Мики несколько секунд наблюдал за его действиями. Он вскоре сообразил, что Неева разжился чем-то съедобным, но никак не мог взять в толк, чем именно. Мики начал жадно обнюхивать то место, над которым быстро мелькал язык Неевы. Потом тоже высунул язык и лизнул, но к его языку не прилипло ничего, кроме прошлогодней хвои и гнилушек. А Неева тем временем то и дело похрюкивал от удовольствия. Только через десять минут он слизнул последнего муравья и отправился дальше.

Немного погодя они вышли на сырую полянку, и Неева принялся обнюхивать траву и приглядываться к ней единственным здоровым глазом, а потом начал быстро копать, вытаскивая что-то белое толщиной в человеческий палец и начал аппетитно хрустеть, усердно работая челюстями. Мики удалось схватить порядочный кусок белой штуки, но она явно не пришлась ему по вкусу. Ему показалось, что он жуёт деревяшку, и, покатав непонятный предмет

во рту, он брезгливо его выплюнул, а Неева с довольным урчанием доел корешок до последнего кусочка.

Они пошли дальше. Два томительных часа Мики следовал за Неевой, и по мере того как опадали опухоли на его теле, пустота в его желудке становилась всё больше. Голод превращался в мучительную пытку. Но он не находил никакой еды, хотя Неева на каждом шагу обнаруживал какие-то свои лакомства. К концу этих двух часов список кушаний, поглощённых медвежонком, достигал внушительных размеров. В числе прочего он включал десяток зелёно-чёрных жуков, бесчисленное множество других насекомых, как твёрдых, так и мягких, целые селения рыжих и чёрных муравьёв, несколько жирных личинок, извлечённых из глубины трухлявых пней, горсть улиток, лягушонка и яйцо-болтун, извлечённое из покинутого гнезда куропатки, свившей его на земле под густым кустом, а из растительных блюд – две порции съедобных корней и одну заячью капусту. Время от времени он сгибал молодые топольки и отъедал нежные верхушки. Ещё он совал в рот все натёки еловой и сосновой смолы, какие успевал заметить, а иногда разнообразил завтрак молоденькой травкой.

Мики вслед за ним перепробовал немалую часть его рациона и съел бы лягушонка, если бы Неева его не опередил. Сосновая и еловая смола залепила ему зубы и была такой горькой, что его чуть не стошнило. Понять, чем улитки отличаются от камешков, он так и не сумел, а так как пробовать жуков он начал с так называемого жука-вонючки, то повторить этот опыт больше уже не рискнул. По примеру Неевы он откусил верхушку молодого побега, но это был не тополёк, а волчье лыко, и от жгучего сока его язык на полчаса потерял всякую чувствительность. В конце концов он пришёл к заключению, что из всего меню Неевы он ещё как-то способен есть только траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.